

Средняя школа при Посольстве России в Эфиопии
Информационный
литературно - исторический проект
"История российского дворянства XIX века"

**ученицы 10 класса средней школы
при Посольстве России в Эфиопии
Котовой Дарьи**

г.Аддис-Абеба, 2006-2007 уч.год

Руководитель проекта - Ермакова Тамара Александровна, учитель русского языка и литературы

Консультант проекта - Ермаков Игорь Алексеевич, учитель истории и обществознания

Содержание проекта

- *Историческая характеристика российского дворянства* *стр.3-9*
- *Из жизни столичного дворянства* *стр.10-14*
- *Представления дворян о дружбе* *стр.15-17*
- *Образ жизни дворян* *стр.18*
- *Воспитание детей в дворянских семьях* *стр.19-21*
- *Пристрастия в жизни дворян* *стр.22*
- *Представления дворян о щедрости* *стр.23*
- *У нас ни гроша верного дохода...* *стр.24-27*
- *Представления дворян о браке* *стр.28*
- *Положение женщины в семье и обществе* *стр.29-31*
- *Дворяне за границей* *стр.32*
- *Дворяне и дворянская честь* *стр.33*
- *Историческое значение дворянства* *стр.34-36*
- *Использованная литература* *стр.37*

Историческая характеристика российского дворянства

Дворянство – привилегированное сословие землевладельцев высших и средних государственных служащих. Юридическое оформление дворянства как сословия началось при Петре I и было завершено при Екатерине II Жалованной грамотой дворянству 1785 г. В ней закреплялись и обобщались все личные, имущественные и сословные права этой группы: освобождение от службы, податей, телесных наказаний, исключительное право владеть землей и крепостными. В этом же законе было установлено, что лишение дворян жизни, дворянского достоинства и имения могло быть осуществлено только по суду. Дворянам было разрешено поступать на службу к союзным с Россией государствам, получать ордена, свободно выезжать за границу. Петровской Табелью о рангах было введено разделение дворянства на потомственное и личное. Потомственное дворянство передавалось по наследству от отца и приобреталось: “по рождению” (по происхождению), в результате “монаршей милости” и “пожалования российского ордена”, а также “по выслуге” (с 14-го ранга для военных чинов и с 8-го для гражданских). Личное дворянство приобреталось путем выслуги с 14-го ранга на военной службе и с 12-го ранга на гражданской. Большое влияние на дворянство оказала государственная деятельность Елизаветы, Екатерины II и Николая I.

Начало расцвета дворянства приходилось на царствование Елизаветы Петровны. Обязанная своим восшествием на престол дворянству Елизавета невольно должна была действовать на благо этого класса, и мероприятия правительства естественно должны были проникнуться дворянскими тенденциями.

Елизавета начала с того, что осыпала милостями гвардию. Лица, стоявшие у власти и вышедшие в большинстве случаев из среды дворянства, не пропускали случая, чтобы не сделать чего-либо в интересах своего сословия. Таким образом, в 1746 г., по случаю производства новой ревизии, издан был указ, запрещающий разночинцам, состоявшим в подушном окладе, приобретать земли, населенные крестьянами, а равно и крестьян без земли. Землевладение и душевладение начинало становиться исключительным правом дворян. Это было дальнейшим расширением мероприятий московского правительства, которое стремилось к сосредоточению в руках служилого сословия земель и людей.

Создавая привилегии дворянству, правительство естественно должно было стремиться к тому, чтобы точнее определить границы дворянского сословия. Было постановлено, что лица, прошедшие в обер-офицеры, не могут считаться потомственными дворянами, а дети их совсем не считаются дворянами. Так появилась на Руси сословная категория личных дворян, отделенных от дворян потомственных. Пока не было издано этого указа, много лиц вошло в дворянскую среду, но согласно новому уставу они не принадлежали к дворянству. Вследствие этого в 1756 г. Сенат определил, что в дворянские списки могут быть записаны только те лица, которые доказали свое дворянское происхождение; определен был и порядок доказательства. Наделяя дворянства правами землевладения и душевладения, правительство Елизаветы принимало меры и к обеспечению фактического пользования этими правами.

Жалованная грамота дворянству 1785 года

- Дворяне желали консолидироваться, обособиться от остальных сословий. Идея “Дворянского Корпуса” как чего-то изолированного уже вполне созрела и проникла в сознание дворянских масс. “Чтобы корпусу дворянства права и преимущества самодержавной властью пожалованы были”, - требовали волокаменские дворяне. Корпуса дворянского, отдельного “от прочих разного рода и звания людей”, требовали болховские дворяне. “О составлении права дворянского” просили симбирские и казанские дворяне, “дабы они имели преимущества и отличались тем от подлых людей”. Все сословные домогательства дворян были приняты Екатериной и нашли себе почти полное удовлетворение в жалованной грамоте дворянству 1785 г. В одном только Екатерина не выполнила желания дворян – она не замкнула дворянского сословия, осталась на точке зрения петровского законодательства, что дворянство приобретает службой и трудами, престолу российскому полезными. Но все же Екатерина признала и тот принцип давности, который выдвигался в наказах. Первая статья жалованной Грамоты гласила: “Дворянское звание есть следствие, истекающее от качеств и добродетелей, приобретенных древними мужами, от заслуг обращающих род в достоинство и приобретающих потомству своему нарицание благородных”.
- Как логическое последствие этого общего положения, жалованная грамота, говорила, что дворянин, женись на недворянке, сообщает свое звание её и детям, и что дворянское достоинство неотъемлемо – что дворянин теряет его не иначе, как по суду за те преступления, за которые следует телесное наказание и лишение чести, и не иначе, как с конфирмацией государя.

Раз дворянское звание в таком смысле неотъемлемо, то “Жалованная Грамота” признает, что дворянка, выйдя замуж за недворянина, не теряет своего звания, но не сообщает его ни мужу, ни детям. Дворянин, покамест он остается дворянином, не может быть подвергнут телесному наказанию или лишению чести без суда, должен быть судим равными себе и лично должен быть освобожден от всех податей. Таковы права дворянства, вытекающие из самого понятия благородства.

Екатерина утвердила также за дворянами все те права и преимущества, которые были им дарованы её предшественниками. Дворяне вольны служить и вольны просить об отставке, они имеют право вступать на службу к дружественным заграничным государям, но при нужде государства каждый дворянин по первому требованию самодержавной власти должен служить, не щадя ничего, даже живота своего. “Жалованная Грамота дворянству” 1785 г. была кульминационным пунктом, который завершил консолидацию и социально-политическое возвышение дворянства. Дворянство сделалось теперь свободным общественным классом, классом привилегированным, который обставлен рядом гарантий по отношению к верховной власти и её представителям. В конце XVIII в (1795 г.) насчитывалось 362 тыс. дворян (2,2 % населения России). В середине XIX в. (1858 г.) численность дворян составляла 464 тыс. (1,5 % всего населения). Из них потомственные дворяне составляли большинство (в 1816 – 56 %, в 1858 – 55 %). Правительство не раз предпринимало меры по ограждению дворянства от притока в его среду выходцев из других сословий. Дважды в 1845 и 1856 гг. были повышены классы чинов, дававшие право на дворянство: для потомственного – 6-й для военных чинов и 9-й для гражданских; личного – 12-й для военных чинов и 9-й для гражданских. Также было установлено, что только первые степени российских орденов дают права на получение потомственного дворянства (кроме Георгия и Владимира, все степени которых давали это право до 1900 г.).

Тем не менее в конце XIX в. (1897 г.) численность дворянства увеличилась до 1 млн. 800 тыс. человек, из них две трети составляли потомственные дворяне и 600 тыс. – личные. Удельный вес всего дворянства (вместе с семьями) составлял 1,5 % населения России.

В среде потомственного дворянства сохранялось различие между нетитулованными (составлявшими большинство сословия) и титулованными (князья, графы, бароны). Особо почиталось “столбовое” дворянство, которое могло доказать древность своего рода более чем за 100 лет до издания Жалованной грамоты.

В конце XIX в. примерно из 250 учтенных княжеских фамилий около 40 вели свою родословную от Рюрика (Одоевские, Горчаковы, Вяземские, Волоконские) и от Гедимины (Голицины, Трубецкие). Всего в списке департамента герольдии числилось свыше 830 титулованных родов. Не менее 100 из них считались “угасшими”, многие разорились и даже “растворились” в других сословиях. Со временем присвоение титулов приобрело характер обычной награды и чаще не сопровождалось земельными пожертвованиями, совершенно прекратившимися к 80-и гг. XIX в.

С.Ю. Витте

На протяжении всего XIX в. первое сословие занимало ведущее место в управленческо-бюрократическом аппарате государства и составляло костяк офицерского корпуса. Гражданская служба не считалась почетной и, как правило, помещное дворянство начинало службу в армии офицерами, а затем переходило на гражданскую, либо, в редких случаях, получив высшее образование, сразу поступало на гражданскую службу, но не с низших чинов. В середине XIX в. из чиновников 1-5-го класса потомственные дворяне составляли 76-7 %, а среди чиновников среднего и низшего классов всего 20 %.

Во второй половине XIX в., когда большая часть дворян теряла связь с землей, служба нередко становилась единственным источником дохода. В конце XIX в. на государственной службе была занята четверть всех дворян.

А.Х. Бенкендорф

М.М. Сперанский

Н.М. Карамзин

Дворянство составляло 90 % офицерского корпуса и 75 % общей численности классных чиновников. Высшая бюрократия в своей подавляющей части состояла из представителей потомственного дворянства. Штатская служба в материальном плане часто была выгоднее военной, но не смотря на это, в кругах помещного дворянства, особенно родовитого, по-прежнему считалось хорошим тоном демонстрировать презрение к гражданскому чину. Дворянство было образованным и культурным слоем, из которого формировалась политическая элита страны. Высшая бюрократия на протяжении всего XIX в. в своей подавляющей части состояла из представителей дворянства.

К дворянству по рождению или по выслуге принадлежали и наиболее яркие реформаторы XIX в. (С. Ю. Витте, П. Д, Киселев, М. М. Сперанский и др.), и наиболее верные “охранители” российского самодержавия (А. Х. Бенкендорф, Н. М, Карамзин, К. П. Победонцев). Дворянство сыграло огромную роль в истории русской культуры первой половины XIX в. “Золотой век” русской культуры по праву можно назвать дворянским. В первой половине XIX в. дворянство играло ведущую роль в развитии общественной мысли и общественного движения России, являясь наиболее свободным, просвещенным слоем общества.

Александр I по вступлении на престол спешил возвратить дворянству все его права и привилегии. 2 апреля 1801 г. Император издал манифест о восстановлении Жалованной Дворянству Грамоты... На основании сего манифеста Сенат рассматривал все указы, противные Жалованной Дворянству Грамоте, и постановил отменить их, доклад о чем был Высочайше утвержден 5 мая 1801 г.

При Николае I дворяне, записанные в родословную книгу, по достижении совершеннолетия и удовлетворя известному цензу, имели право участвовать в делах и положениях Дворянских Собраний той губернии, в дворянскую книгу которой они записаны, и служить в ней по выборам дворянства.

Дворяне имели право поступать в государственную службу, военную (морскую и сухопутную) и гражданскую.

Дворяне пользовались значительной привилегией в свободе передвижения. Дворяне могли жить во всем местах Российской Империи по грамотам на дворянское достоинство, тогда как все другие сословия должны менять в известные сроки свои паспорта. Дворяне могли оставаться за границей пять лет, люди же прочих сословий могли оставаться за границей не более трех лет. По указу от 2 декабря 1834 г. неслужащим дворянам паспорта на свободное проживание везде заменяют грамоты от дворянских собраний или свидетельства на дворянское достоинство. Но если дворянину понадобится паспорт, то выдавать на трехрублевой гербовой бумаге: в губернском городе - из Губернского Правления, в уездных - от городничих, в уездах - от земских судов. В указе от 17 апреля 1834 г. говорится: "многие лица остаются неопределенное время за границей и тем дозволенную отлучку произвольно превращают в переселение. Последствием сего есть расстройство их имуществ, расточение доходов вне государства, обременение долгами их наследств, отчуждение от родственных и отечественных союзов. Поэтому постановляется срок пребывания за границей с узаконенным паспортом: для дворян 5-летний, для всех прочих состояний 3-летний.

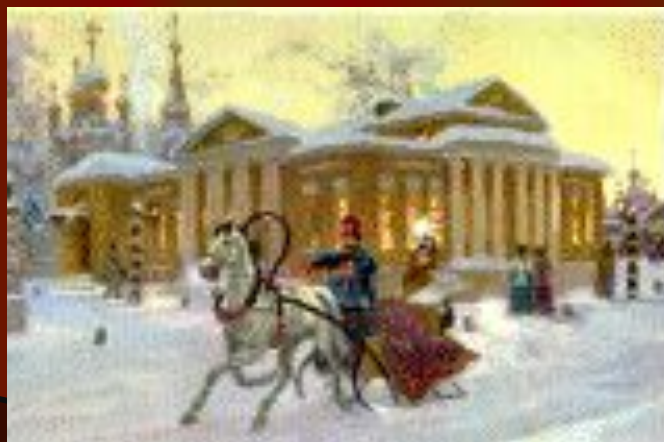
Из жизни московского дворянства

В Москве XIX века еще сказывались черты прежнего обихода, от нее действительно веяло стариной. Если в Москве не было вовсе влиятельного правящего чиновничества, настоящей бюрократии и военщины, то зато было еще достаточно русского "барства" и связанного с ним крепостничества и много патриархальности, то мягкой, а то жесткой убежденной сословности, при которой, несмотря на московское добродушие и радушие, весьма строго соблюдалось правило: "Всяк сверчок знай свой шесток".

Общественное мнение существовало и тогда, но это, в сущности, было мнение весьма ограниченного кружка, формально авторитетного, покоящегося на высказанном начальством; однако оно принималось и почиталось за истинное. Общественное мнение складывалось и вопросы, волновавшие Москву, решались безапелляционно в Английском клубе. Конечно, и в то время существовали кружки и отдельные лица, не принимавшие на веру положений, провозглашенных старшими и чиновными, но они составляли исключение и считались даже опасными.

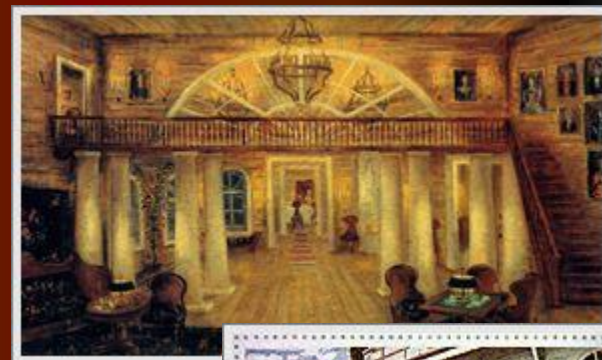
Все население покорно и безропотно подчинялось постановлениям, обычаям и распоряжениям, не всегда оправдывавшимся их содержанием, но преступить которые казалось чуть ли не смертным грехом и, во всяком случае, поступком чрезвычайной смелости. Никто не дерзал курить на улицах, чиновники не смели отпустить бороду и усы, студенты не решались, хотя оно было очень заманчиво, носить длинные волосы, блины можно было есть исключительно на масленице и в положенные для этого дни, посты строго соблюдались во всех классах населения.

Филипп Филиппович Вигель (1786 - 1856) - известный коллекционер и мемуарист; долгое время служил в ведомствах иностранных и внутренних дел и финансов; был одним из учредителей кружка "Арзамас" и членом масонских лож "Соединенных друзей" и "Северных друзей".

Ниже приводятся отрывки из "Записок" Ф. Ф. Вигеля, которые отличаются точностью в описании событий, участником которых был автор. События в "Записках" доведены до 1828 г.

...Помещики соседственных губерний почитали обязанностью каждый год, в декабре, со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять в деревню. Эти поездки им недорого стоили. Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупой, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами. Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом. Все Замоскворечье было застроено помещичьими домами. В короткое время их пребывания в Москве они не успевали делать новых знакомств и жили между собою в обществе приезжих, деревенских соседей: каждая губерния имела свой особый круг. Но по четвергам все они соединялись в большой кругу Благородного собрания; тут увидят они статс-дам с портретами, фрейлин с вензелями, а сколько лент, сколько крестов, сколько богатых одежд и алмазов! Есть про что целые девять месяцев рассказывать в уезде, и все это с удивлением, без зависти: недостигаемую для них высоту знати они любовались, как путешественник блестящею вершиной Эльбруса.

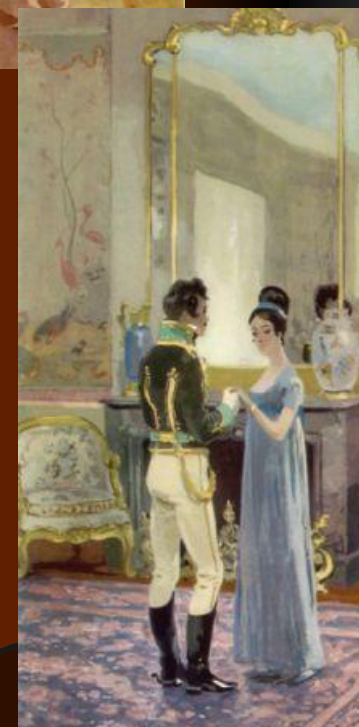
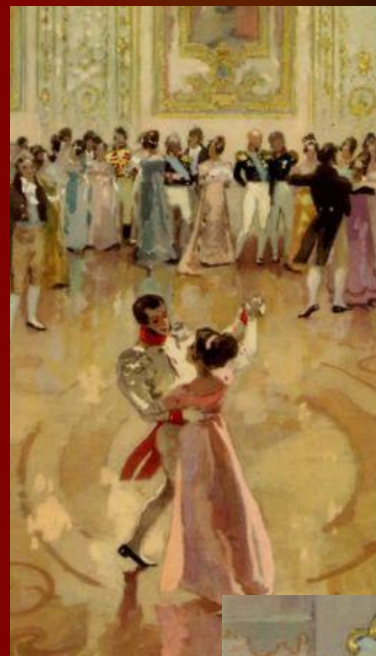

... Нет почти русской семьи, в которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человеку! Но если хороший человек не знаком никому из их знакомых, как быть? И на это есть средство. В старину (не знаю, может быть и теперь) существовало в Москве целое сословие свах; им сообщались лета невест, описи приданого и брачные условия; к ним можно было прямо адресоваться, и они договаривали родителям все то, что в собрании не могли высказать девице одни только взгляды жениха. Пусть другие смеются, а в простоте сих дедовских нравов я вижу что-то трогательное. Для любопытных наблюдателей было много пищи в сих собраниях; они могли легко заметить озабоченных матерей, идущих об руку с дочерьми, и прочитать в глазах их беспокойную мысль, что, может быть, в сию минуту решается их участь; по веселому добродушию на лицах провинциалов легко можно было отличить их постоянных жителей Москвы...

... В гостиных лучшего общества также царствовала величайшая пристойность: ни слишком повесить голоса, ни без пощады злословить там не было позволено. Такие вечера не могли быть чрезвычайно веселы и на них иному не раз приходилось украдкой зевнуть; но в них искали не столько удовольствия, сколько чести быть принятым. Самим женщинам некоторая принужденность в манерах давала более правильности в поступках, а они в обществе всегда служат примером для мужчин. Гораздо позже, когда Кочубеи и Гурьевы какими-то финансовыми оборотами более чем щедротами монарха стяжали себе великое состояние и сделались первыми вельможами. Тон общества стал приметно грубеть; понятия о чести начали изменяться и уступать место всемогуществу золота. Но все это было очень далеко от того, до чего мы ныне дожили...

Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречью и к дешевому хлебосольству. Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму.

Блестящая гвардейская молодежь налетела туда аж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою, улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками, московские обеды.

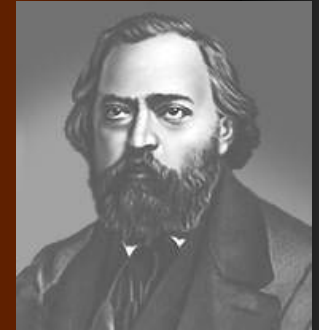

Представления дворян о дружбе

В XIX веке был признан культ глубокой и интимной дружбы. В эпоху романтизма, как и в любой другой период истории, люди имели неодинаковые характеры и представления о дружбе. Так, Дж. Байрону и М.Ю. Лермонтову были совершенно несвойственны сентиментализм и тяга к исповедальности, характерные для большинства немецких романтиков. Романтический канон дружбы означал, во-первых, резкое повышение требований к ее интимности и экспрессивности и, во-вторых, ассоциацию "истинной дружбы" с той частью жизни человека, которая приходится на юность.

Дружба у них не добродетель, а живое чувство, непосредственное жизненное переживание, носителем которого становится не зрелый муж, а пылкий юноша. Одной из предпосылок независимости дружбы и повышения ее роли в процессе становления личности было ослабление влияния и контроля родительской семьи.

Н.П. Огарев, родившийся в 1813 году, написал о своем отце: "Несмотря на мягкость, он был деспотом в семье; детская веселость смолкала при его появлении. Он нам говорил "ты", мы ему говорили "вы"... Утайка мысли, чувства, поступка — вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность. Отец мой любил меня искренне, и я его тоже; но он не простил бы мне слова искреннего, и я молчал и скрывался".

Н.П.Огарев

Аналогичны и воспоминания его друга А.И. Герцена:

"...отец мой был почти всегда мною недоволен... товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убегал, провожая их, на двор поиграть с дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большим почернелым комнатам с закрытыми окнами днем, едва освещенным вечером, ничего не делая или читая всякую всячину".

А.И.Герцен

Суровость семейного быта нередко отягощалась отсутствием у детей и подростков общества сверстников. "Все детство я провел между женщинами... — вспоминает Огарев. — Ни единого сверстника не было около; редко появлялись два-три знакомых мальчика, но я их больше дичился, чем любил". Неудивительно, что когда гувернантка предложила восьмилетнему мальчику написать свободное сочинение, им стало письмо к "мечтаемому другу, которого у меня не было..." Дефицит эмоционального тепла в семье не могла восполнить и школа. Новый тип дружественного общения возникает в студенческой среде прежде всего как антитеза семейной скованности и формализму университетской системы. . Юноши последней трети XVII в. льют слезы над каждым письмом, над каждой книгой. Плачут, созерцая природу, встречаясь или прощаясь с другом, плачут от разделенной и неразделенной любви. Молодые люди упиваются собственной чувствительностью.

В.А.Жуковский

Молодой В.А. Жуковский в дневниках и переписке определяет дружбу как главную добродетель, пишет о своем желании "сделаться достойным дружбы". Для него дружба "есть все, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше)". Высшей похвалой себе он считает, если о нем скажут, что он "истинный друг".

У поколения А.С. Пушкина стиль дружбы уже иной. Тема дружбы занимает важное место в творчестве великого поэта. Однако на разных этапах его жизни и творческого пути эта тема получает несколько иное поэтическое звучание. В произведениях лицейского периода (например, в стихотворении "Друзьям") дружба описывается преимущественно в анакреонтовских тонах бесшабашного группового веселья, перемежающегося настроениями элегической тоски и грусти. Тема дружеской пирушки, "где просторен круг гостей, а кружок бутылок тесен" ("Веселый пир"), близка сердцу молодого поэта и после выхода из лицея. Однако он уже познал эфемерность подобных радостей и отношений. В стихотворении "Дружба" (1824 г.) поэт глубоко задумывается над тем, что составляет суть дружеских отношений.

Для зрелого Пушкина "блаженство дружбы" не просто время, проведенное за бутылкой и праздным разговором, а "приют любви и вольных муз, где с ними клятвою взаимной скрепили вечный мы союз..." ("Из письма к Я.Н. Толстому"). Друзья в понимании поэта — это уже не просто товарищи детских игр и юношеских пиров, которым "даны златые дни, златые ночи", не просто веселые, интересные собеседники, а прежде всего единомышленники.

Пушкин верит в нерушимость дружеских связей, способных противостоять всему окружающему миру; Были в этой дружбе и свои трудности. Личная преданность и верность дружбе сочетаются у пушкинского поколения с внутренней закрытостью. Их интимная жизнь "не открывалась ни дружеской беседе, ни письмам и дневникам (чему свидетельством дневники Пушкина, записные книжки Вяземского). Она открывалась только ключом поэзии, чтобы в этом эстетическом виде стать достоянием всех читающих. Напротив, дружба эпохи В.Г. Белинского требует постоянного глубочайшей исповеди. Здесь проявилась разница не только поколений, но и индивидуальностей, а также сословий, классов. Юные аристократы пушкинской поры умели владеть собой и держать даже самых близких людей на почтительном расстоянии, полагая в этом один из признаков своего достоинства. Напротив, юные разночинцы, попадая в чуждую среду, жестоко страдали от застенчивости и неумения держаться, что усиливало их потребность в человеческом тепле.

"Сводя счеты со своим собственным прошлым, В.Г. Белинский писал, что романтиков "тянет к дружбе не столько потребность симпатии, столь сильной в молодые лета, сколько потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Для них друг есть драгоценный сосуд

Образ жизни дворян

А.И.Герцен . «Былое и думы»

"Чтоб дать полное понятие о нашем житье-бытье, опишу целый день с утра; однообразность была именно одна из самых убийственных вещей, жизнь у нас шла как английские часы, у которых убавлен ход, — тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду.

В десятом часу утра камердинер, сидевший в комнате возле спальни, уведомлял Веру Артамоновну, мою экс-нянюшку, что барин встает. Она отправлялась готовить кофе, который он пил один в своем кабинете. Все в доме принимало иной вид, люди начинали чистить комнаты, по крайней мере показывали вид, что делают что-нибудь. Передняя, до тех пор пустая, наполнялась,

даже болшая ньюфаундлендская собака Макбет садилась перед печью и, не мигая, смотрела в огонь.

За кофеем старик читал "Московские ведомости" и "Journal de St. Petersburg"; не мешает заметить, что "Московские ведомости" было велено греть, чтоб не простудить рук от сырости листов, и что политические новости мой отец читал во французском тексте, находя русский неясным. Одно время он брал откуда-то гамбургскую газету, но не мог примириться, что немцы печатают немецкими буквами, всякий раз показывал мне разницу между французской печатью и немецкой и говорил, что от этих вычурных готических букв с хвостиками слабеет зрение. Потом он выписывал "Journal de Freinfort", а впоследствии ограничивался отечественными газетами. После обеда мой отец ложился отдохнуть часа на полтора. Дворня тотчас рассыпалась по пивным и по трактирам. В семь часов готовили чай; тут иногда кто-нибудь приезжал, всего чаще Сенатор; это было время отдыха для нас. Сенатор привозил обыкновенно разные новости и рассказывал их с жаром. После Сенатора отец мой отправлялся в свою спальную, всякий раз осведомлялся о том, заперты ли ворота, получал утвердительный ответ, изъявлял некоторое сомнение и ничего не делал, чтобы удостовериться. Тут начиналась длинная история умываний, примочек, лекарств; камердинер готовил на столике возле постели целый арсенал разных вещей: склянок, ночников, коробочек. Старик обыкновенно читал с час времени Бурьенна, "Memorial de S-te Helene" и вообще разные "Записки"; за сим наступала ночь.

Так я оставил в 1834 наш дом, так застал его в 1840, и так все продолжалось до его кончины в 1846 году."

Гувернеры, воспитание детей в дворянских семьях (из воспоминаний П.Кропоткина)

"Старший брат Коля учился в кадетском корпусе в Москве и жил там. Он мог бы пропустить субботу, но его ухитрялись брать только на долгие праздники — на рождество, он проводил в лагерях. Старшая сестра Лена, которая была все время в институте, но на шесть лет старше Саши, была в институте и по тогдашним правилам могла быть отпущена домой только в самом экстренном случае, например в случае смерти бабушки, и то всего на несколько часов в неделю. Мы не могли учиться, поэтому нам поставили дорогого француза-гувернера — мосье Пулэна и студента Н.П. Смирнова. Во многих домах в Москве были тогда французы, бывшие в наполеоновской великой армии. Отец мой, не колеблясь, пригласил мосье Пулэна за высокую по тому времени плату в 600 рублей в год. Мосье Пулэн явился со своей охотничьей собакой Трезором, наполеоновским кофейником, французскими чебниками и стал править нами и крепостным Матвеем, которого приставили нам в прислуги. Его план воспитания был очень прост. Разбудив нас, он варил себе кофе, который пил в своем кабинете. В то время как мы готовили уроки, он очень тщательно занимался своим туалетом: зачесывал свои седые волосы так, чтобы скрыть от нас ползавшую плешь, надевал фрак, прыскал себя и вытирал одеколоном, а затем вел нас вниз поздороваться с родителями. Отца и мачеху обыкновенно заставляли за утренним кофе. Подойдя к ним, мы повторяли официальным тоном: Bonjour, mon cher papa. Bonjour, ta chere maman. Затем мы целовали руки. Выполнив все это, мы немедленно уходили к себе наверх. Эта церемония повторялась каждое утро. Затем начиналось наше учение. Мосье Пулэн вместо фрака облачался в халат, надевал на голову кожаную шапочку, погружался в кресло и говорил: "Скажите урок". Мы сказывали "наизусть" от одного места, отмеченного нам ногтем, до другого.

Должен сознаться, что дело не всегда кончалось наказанием — на колени. В классной имелась также розга, к которой и прибегал мосье Пулэн, когда на прогресс в предисловии к "Всемирной истории" или же в диалогах о добродетели и благопристойности не было больше надежды. В таких случаях мосье Пулэн доставал розгу с высокого шкафа, схватывал которого-нибудь из нас, расстегивал штанишки и, захватив голову под свою левую руку, начинал хлестать нас этой розгой. Мы, конечно, стремились ускользнуть из-под его ударов, и тогда в комнате начинался отчаянный вальс под мерный свист его розги. Покончив с тяжелыми учительскими обязанностями, мосье Пулэн мгновенно преображался; пред нами был уже не свирепый педагог, а веселый товарищ. После завтрака он водил нас на прогулку, и здесь не было конца его рассказам. Мы болтали, как птички. Хотя мы не забирались с Пулэном дальше первых страниц синтаксиса, но мы скоро научились "правильно говорить". Мы стали думать по-французски. Когда же он продиктовал нам полкниги о мифологии (он исправлял ошибки по книге, никогда не пытаюсь даже объяснить, почему слово должно быть написано так, а не иначе), то мы постигли также, как "правильно писать" по-французски.

После обеда мы занимались с учителем русского языка, студентом юридического факультета Московского университета. Он обучал всем "русским" предметам: грамматике, арифметике.

В те годы серьезное учение еще не начиналось. Одновременно он ежедневно по странице из истории, и таким образом мы на практике были способны совершенно правильно писать по-русски. Мы с братом рано пришли в театр. Впечатление, произведенное масленичными балаганами, с их представлениями о сражениях и разбойников, продолжалось недолго: мы сами достаточно играли в казаков и разбойников. Но в Москву прибыла балетная звезда первой данни Эльслер, и мы увидели ее. Когда отец покупал билет в театр, то брат и я получили лучшую ложу, не жалея денег; но зато он хотел, чтобы за эти деньги наслаждалась вся семья.

Быть записанным в кандидаты в Пажеский корпус считалось тогда большой милостью. Император Николай редко ее оказывал московскому дворянству. Отец мой был в восторге и мечтал уже о той блестящей карьере, которую сделает при дворе сын..."

«У отца моего вместе с Сенатором была довольно большая библиотека, составленная из французских книг прошлого столетия. Книги валялись грудями в сырой, нежилой комнате нижнего этажа в доме Сенатора. Мне было позволено рыться в этих литературных закромах, сколько я хотел, и я читал себе да читал. Отец мой видел в этом двойную пользу: во-первых, что я скорее выучусь по-французски, а сверх того, что я занят, то есть сижу смиренно и притом у себя в комнате. К тому же я не все книги показывал или клал у себя на столе, — иные прятались в шифоньер.

Что же я читал? Само собою разумеется, романы и комедии. Я прочел томов пятьдесят французского "Репертуара" и русского "Феатра", в каждой части было по три, по четыре пьесы. Сверх французских романов, у моей матери были романы Лафонтена, комедии Коцебу, — я их читал раза по два.

Ученье шло плохо, без соревнования, без поощрений и одобрений; без системы и без надзора, я занимался спустя рукава и думал памятью и живым воображением заменить труд. Разумеется, что и за учителями не было никакого присмотра; однажды условившись в цене, — лишь бы они приходили в свое время и сидели свои час, — они могли продолжать годы, не отдавая никакого отчета в том, что делали».

Детей Наталья Ивановна воспитывала строго. Говорят, она иногда била их по...
будь из дочерей требовали к матери, девочка долго стояла у...
ти... До сих пор принято было считать, что Наталья Николаевна и...
ень скромное домашнее образование. Знание французского...
музыка и регулярное посещение церковных служб — этим обычно...
ограничивалось воспитание девушек в дворянских семьях. Но...
чаповых было дано значительно выше среднего.

у...
всеобщую), географ...
— немецкий, англ...

в государственном архиве древних актов хранится много...
арховых. Дети подробно изучали историю (русскую и...
зык, литературу, мифологию и иностранные языки...
но французский они знали очень хорошо.

Пристрастия в жизни дворян

очная игра занимала важное место в жизни Пушкина — не меньшее, рулетка в жизни Достоевского. В некоторых случаях речь шла о больших денежных суммах. Весной 1829 года Пушкин пишет одному из своих карточных кредиторов — И.А. Яковлеву, которому он, судя по этому письму, должен 6 тысяч рублей; "...я (между нами) проиграл уже около 20 тысяч. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги".

Один из ключей к игровой страсти и Пушкина и Достоевского таится в известных строках из «Пира во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

История карт в России не написана, отсутствуют и частные историко-бытовые исследования в этой области, а это затрудняет понимание функции карт как элемента литературного быта XVIII — начала XIX в. мы встречаемся с различным различием гадальных и игровых карт. Однако первые употреблялись, как правило, лишь в профессиональном гадании. Изначально более было распространено бытовое любительское гадание, игровые карты. Последние различались по характеру рисунка и цене. В обращении были и привозимые из-за границы дорогие, и более дешевые отечественные карты, производившиеся небольшими частными предприятиями, вроде фабрики И. А. Толченова в Москве. Использовались дешевые отечественные карты, в «солидных» же играх употреблялись, как правило, дорогие импортные. В конце 1820-х гг. производство карт и доходы от него были монополизированы благотворительным ведомством императрицы Марии Федоровны, и рисунок производившихся карт — а именно ими играли в «Пиковой даме» — стабилизировался и приобрел сходную с нынешней каноническую форму.

Представления дворян о щедрости

редко устраивались танцевальные вечера, не говоря уже о двух
ждую зиму. В подобных случаях отец не смотрел на издержки, а
но лучше. В то же время в будничной нашей жизни проявлялась
, если бы я стал рассказывать подробности, их сочли бы за
ном претенденте на французский престол, который прославился
ичьими партиями, говорят, что в его доме даже сальные огарки были на
счету. Такая же мелочная экономия во всем практиковалась и в нашем доме, и скупость доходила до
того, что мы, дети, когда выросли, возненавидели бережливость и расчет. Впрочем, в Старой
Конюшенной такая манера жить заставляла лишь всех относиться еще с большим уважением к отцу».
- Старый князь, — говорили все, — скуповат на домашние расходы, зато уж знает, как следует жить
дворянину.

В этих тихих и чистеньких улочках именно такая жизнь уважалась особенно.

А.П. Арапова, дочь Натальи Николаевны от второго брака, рассказывает, со слов матери, о быте семьи:
«Считать Пушкин не умел. Появление денег связывалось у него с представлением неиссякаемости и,
быстро пропустив их сквозь пальцы, он с детской наивностью недоумевал перед совершившимся
исчезновением. Карты неудержимо влекли его».

Часто вспоминала Наталья Николаевна крайности, испытанные ею с первых шагов супружеской
жизни. «Бывали дни, после редкого выигрыша или крупной литературной полочки, когда мгновенно
являлось в доме изобилие во всем, деньги тратились без удержа и расчета, — точно всякий стремился
наверстать скорее испытанное лишение. Муж старался не только исполнить, но и предугадать ее
желания. Минуты эти были скоротечны и быстро сменялись полным безденежьем».

У нас ни гроша верного

В письме жене от 21 сентября ~~дохода~~ из Михайловского в Петербург : "А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения: он его уже вполтину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу.

У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30000. Все держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, бог знает. Покамест грустно".

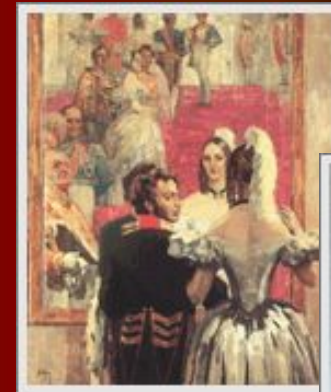
В финансовом плане огромный разрыв между расходами и доходами. После того как Пушкин заложил казне свое скромное 5-тысячное (в год!) жалованье, твердого дохода вовсе нет, а расходы растут как снежный ком.

В июле 1836 года Н.Н. Пушкина пишет брату, в очередной раз прося у него денег в счет своего пая в наследстве: "Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна".

Почти все написанное Пушкиным в 1835—1836 годах либо не попадало в печать, либо, будучи опубликовано в "Современнике", не дало финансового результата. Как сказали бы в свое время, это была бедность

"деклассированного дворянина". Образ обедневшего дворянина хорошего рода пронизывает творчество Пушкина 30-х годов. Это прежде всего Владимир Дубровский, унаследовавший от отца имение с 70 душами крепостных, которое у него силой, обманом и судебной неправдой отобрал Троекуров.

Это герой "Медного всадника" Евгений, чье имя, как имя Пушкина, "в минувши времена быть может, и блистало и под пером Карамзина в родных преданьях прозвучало". Ныне он петербургский чиновник, может быть, как сам Пушкин, титулярный советник. В черновом наброске сказано, что Евгений, "как вы, о деньгах думал много". Героя неоконченной поэмы "Езерский", ведущего свой род от варяжских витязей, Пушкин сделал коллежским регистратором, т.е. чиновником самого низкого, 14-го класса. Это, наконец, Петр Гринев из "Капитанской дочки", в чьем положении, в чьих моральных и политических дилеммах тоже многое от самого Пушкина.

О том, что творится в доме, свидетельствуют такие факты. 1 февраля Пушкин закладывает ростовщику за 1250 рублей турецкую шаль Натальи Николаевны, а 13 марта — брегет и кофейник за 650 рублей. Со всех сторон сыплются счета. Во все времена писатель не мог жить и работать без библиотеки, и Пушкин, несмотря на финансовые трудности, покупает много книг. 24 марта поступает счет от книготорговца Ф.М. Беллшара на сумму 2172 руб. 90 коп. По-видимому, лишь в конце апреля удалось наскрести 975 руб в частичное погашение долга. Покупка книг продолжалась, и долг рос вплоть до самой гибели поэта. 1 июня Пушкин берет под проценты у своего дальнего родственника князя Н.Н. Оболенского 8000 рублей с оформлением через нотариальную контору. Вероятно, часть этих денег уходит на покупку кареты полной ценой 4150 рублей, за которую 7 июня уплачивается аванс 2500 рублей. К осени деньги, полученные от Оболенского, истрачены, и 17 сентября Пушкин получает ссуду в 10 тысяч рублей у ростовщика Юрьева сроком до 1 февраля 1837 года.

И Пушкин все глубже погружается в трясину долгов. Аристократическое имя, близость ко двору, литературная известность еще обеспечивают кредит, но он истощается с каждым месяцем. Когда-то, в лучшие дни, Пушкин беззаботно советовал приятелю: "И не плати своих долгов по праву русского дворянства". Но теперь не до шуток.

Пушкин просит отсрочки, как-то изворачивается, занимает в одном месте, чтобы заплатить в другом. Даже милый друг Нащокин письмом из Москвы напоминает, что Пушкин должен ему 3 тысячи, но, великодушный и понимающий, добавляет: "...у тебя денег нет — будут, так сочтемся . Закладывается еще одна шаль Натальи Николаевны. Нечем платить лавочнику, квартирохозяину. 30 декабря у того же ростовщика Юрьева Наталья Николаевна занимает еще 3900 рублей... Наступает 1837 год. Пушкину остается жить 29 дней.

Что означало для Пушкина быть обеспеченным, состоятельным человеком? Лестница имущественной дифференциации дворянства была велика. В "Русском Пеламе" (начатый Пушкиным в 1833—1834 годах роман из жизни света) герой рассказывает о своей семье: "Отец имел пять тысяч душ. Следовательно, был из тех дворян, которых покойный Шереметев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить! Дело в том, что отец мой жил не хуже графа Шереметева, хотя был ровно в двадцать раз беднее". Здесь многократная ирония. По сложившейся традиции владельцы свыше тысячи душ считались крупнопоместными дворянами, так что отец Пелама только с точки зрения Шереметева, имеющего сотню тысяч душ, мог выглядеть мелкопоместным. Жить не хуже Шереметева он, очевидно, мог только в долг, подобно онегинскому отцу, который, как известно, "промотался наконец". Кстати, в одном из вариантов плана этого романа отец Пелама (названного здесь Пелымовым) "умирает в нищете". Иные люди из круга Пушкина жили жалованьем. Князь Вяземский, занимавший довольно высокий пост в министерстве финансов, получал 20 тысяч рублей в год и, как писал поэт-партизан Д.В. Давыдов в письме жене в 1836 году, "живет очень приятно". Вероятно, Вяземский имел также значительный доход от поместий. Таким образом, в целом его материальное положение было несопоставимо с положением Пушкина.

С одной стороны, упадок рода Пушкиных был исторической случайностью: дед его не принял екатерининский переворот 1762 года и поплатился за это, отец и дядья оказались плохими хозяевами, расточителями. С другой — этот упадок был частью кризиса всей крепостнической системы хозяйства в России. Но как бы то ни было, сама эта система была экономически и социально той питательной средой, на которой расцвел, высокопарно говоря, этот дивный цветок нашей культуры — Пушкин. Как с обычной афористичностью сказал Герцен, "я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гёте, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина".

5 февраля 1831 года Пушкин заложил свои 200 душ в Московском опекунском совете, получив ссуду на 37 лет в размере 40 тысяч рублей. Деньги эти рассеялись как дым, и в конце 1832 года он сделал через Нащокина, жившего в Москве, попытку перезаложить их, т.е. получить под тот же заклад дополнительную ссуду в 10 тысяч рублей. Попытка эта кончилась неудачей. Опекунский совет отказал в ссуде под предлогом недостаточной обеспеченности крестьян землей. Полагалось, чтоб на каждую закладываемую душу приходилось не менее 5 десятин земли, а по представленным Пушкиным бумагам выходило всего 3 десятины.

В отношении ссуды Пушкин поступал как его отец и многие другие промотавшиеся дворяне: не платил процентов до последней крайности. В начале 1835 года имение оказалось под угрозой описи и принудительного взыскания. Пришлось срочно платить проценты и довольно значительную пеню за просрочку. В самом худшем случае неуплата процентов грозила продажей с молотка. Этого не произошло. После гибели поэта имение вернулось к его отцу, наследником которого стал Лев Сергеевич. Домовладелец Жадимировский, на квартире которого семья жила в 1832—1833 годах, подал на Пушкина в суд, утверждая, что тот задолжал ему 1063 рубля. Пушкин был вынужден внести залог в виде 7 крепостных душ из Кистенева, а проиграв дело, предложил, за неимением наличности, расплатиться этими душами. Они не входили в число заложенных и, очевидно, представляли собой "естественный прирост" после ревизии. Поскольку Жадимировский, не будучи дворянином, не имел законного права владеть крепостными, эти души, видимо, пришлось бы продать. Гибель Пушкина положила конец тяжбе, а долг домовладельцу был погашен из казенных денег. Души остались на месте, у старого барина.

Представления дворян о браке

Фамурина

Вкус, батюшка, отменная манера;

На все свои законы есть: Вот, например, у нас уж исстари ведется,

Что по отцу и сыну честь: Будь плохенький, да если наберется

Душ тысячки две родовых, —

Тот и жених. Другой хоть притче будь, надутый всяким
чванством,

Пускай себе разумником слыви, А в семью не включат. На нас не
подиви, Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.

"Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение Вашей дочери, — писал поэт. — Я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз... Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И все же, не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы? Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми."

Письмо А.С. Пушкина к Н.И. Гончаровой от 5 апреля 1830 г.

Положение женщины в семье и обществе

"Красота женщины еще тайна. Бог недаром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота, — и даже и таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему не способны. Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной переворотов всемирных и заставлял делать глупости наиумнейших людей, что же было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно перед другими женщинами! Стало быть, это орудие сильное. Но вы имеете еще высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа. Знаете ли, что мне признавались наиразвратнейшие из нашей молодежи, что перед вами ничто дурное не приходило им в голову, что они не отваживаются сказать в вашем присутствии не только двусмысленного слова, которым потчуют других избранниц, но даже просто никакого слова,

как-то грубо и отзовется чем-то ухарским и неприличным. Вот уже одно влияние, которое совершается без вашего ведома от одного вашего присутствия! Кто не смеет себе позволить при вас дурной мысли, тот уже ее стыдится; а такое обращение на самого себя, хотя бы даже и мгновенное, есть уже первый шаг человека к тому, чтобы быть лучше. Стало быть, это орудие также сильное. В прибавленье ко всему вы имеете уже Самим Богом водворенное вам в душу стремленье, или, как называете вы, жажду добра.

У вас нет способности распознавать и исцелять болезни, и я вам не дам такого совета, какой бы мне следовало дать всякой другой женщине, к тому способной. Ваше дело только приносить страждущему вашу улыбку да тот голос, в котором слышится человеку прилетевшая с небес его сестра, и ничего больше. Не станавливайтесь долго над одними и спешите к другим, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всех углах мира ждут и не дождутся ничего другого, как только тех родных звуков, того самого голоса, который у вас уже есть. Не болтайте со светом о том, о чем он болтает; заставьте его говорить о том, о чем вы говорите."

Гоголь Н.В.

В 1860-е годы Вяземский писал об изменении характера женщины: "Не жалеть денег на праздник еще ничего не значит. В звании, в обязанностях гостеприимной хозяйки дома есть своя доля художества: тут надобно призвание и умение, приобретаемое опытом. Эти свойства, эта наука мало-помалу пропадают... Разумеется, и теперь встречаются милые и любезные женщины; но характер, но тип женщины исчез. Этой властительницы, этой царицы светской общежительности уже нет. Она сошла или низвергнута с престола своего. Кстати здесь заметить, что для полного владычества в этом салонном царстве женщине не нужно быть первой молодости, и даже не второй. Молодость живет для себя, молодость себялюбива. Нет, лучше, если хозяйка дома в зрелом возрасте, более беспристрастном и бескорыстном."!

Женщины России при всем их экономическом, социальном, политическом бесправии сыграли исключительную роль в жизни страны. Россия, едва выйдя из Домостроя, в течение XVIII столетия имела шесть императриц или фактических правительниц: сестра Петра Великого Софья Алексеевна, Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II. Еще одна Екатерина — Дашкова — возглавила Российскую Академию.

Отечественная война 1812 года — время особого подъема национального самосознания и патриотизма — всколыхнула и женщин. Характерным стало вступление в общественную жизнь не только представительниц привилегированных классов - женское патриотическое общество, созданное аристократками З. Волконской, Е. Трубецкой, Е. Муравьевой, но и женщин из народа, олицетворением которых стала Василиса Кожина...

Е.Муравьева

З.Волконская

В.Кожина

Ек. Тютчева

«Она знает и всех лучших французских поэтов и почерпнула из разных сочинений, нравоучительных и принадлежащих до воспитания, все то, чем только может пользоваться приятная в обществе женщина, добрая жена и нежная мать.»

«Вестник Европы», 1802 год

В XIX столетия в русском обществе и литературе господствовало представление о женщине как о нежном, чудесном создании, которое живет для облагораживания общества, а потому нуждается в охране от чрезмерных умственных занятий. С начала XIX в. появились журналы, рассчитанные специально на читательниц: «Журнал для милых» (с 1804 г.), «Московский Меркурий» (с 1805 г.), «Дамский журнал» (с 1823 г.). Наступившие годы после восстания декабристов принесли изменения. В то время женщины, несмотря на недостатки их воспитания и образования, начинали активно приобщаться к литературе.

Среди писателей, особенно поэтов и переводчиков, все чаще встречались женщины. Однако по-прежнему в обществе господствовало более чем скептическое отношение к творческим возможностям женской личности. Молодой В.Г. Белинский был полон предубеждения против пишущей женщины как женщины. Он видел назначение женщины в том, чтобы «возбуждать в мужчине энергию души, пыл благородных страстей, поддерживать чувство долга и стремление к высокому и великому...»

Эрн. Тютчева

Дворяне за границей

В XIX веке усилился и поток русских студентов за границу, особенно в университеты Германии. В одном лишь Геттингенском университете за 1800—1825 годы обучалось 216 студентов из России. Большинство среди них составляли сыновья немецких дворян Лифляндии и Эстляндии, но тут же мы видим имена трех братьев Тургеневых (Александра, Николая и Сергея), будущего лицейского профессора Куницына.

"Иван Васильевич — молодой человек, только что вернувшийся из-за границы. На нем английский макинтош без талии; панталоны его сшиты у Шеврёля; палка, на которой он опирается, куплена у Бердые. Волосы его обстрижены по вкусу средних веков, а на подбородке еще видны остатки ужаснейшей бороды.

Прежде, когда русский молодой человек возвращался из Парижа, он привозил с собой наружность парикмахера, несколько ярких жилетов, несколько пошлых остроумий, разные несносные ужимки и нестерпимо решительное хвастовство. Благодаря бога, все это теперь выветрилось. Но теперь другая крайность; теперь молодежь наша прикидывается глубокомысленною, изучает политическую экономию, заботится о русской аристократии, хлопочет о государственном благе, и — как бы вы думали? — за границей делается она русскою, даже чересчур русскою, думает только о России, о величии России, о недостатках России и возвращается на родину с каким-то странным восторгом, иногда смешным и неуместным, но по крайней мере извинительным и, во всяком случае, более похвальным, чем прежнее ничтожество.

Независимо, впрочем, от этого чувства, наподобие прочих наших государственных юношей, привез он из-за границы горячий восторг к парижской опере и нежные воспоминания о парижских загородных балах."

Л.Собинов в роли Вл. Ленского

*По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.*

С о л о г у б В.А. Таранас. Повести и рассказы.

Дворяне и дворянская честь

Право на поединок, которое, несмотря на жестокое давление власти, отстаивало послепетровское дворянство и особенно дворянский авангард, становилось сильным знаком независимости от деспотического государства. Самодержавие принципиально претендовало на право контролировать все сферы существования подданных, распоряжаться их жизнью и смертью.

Сознательный дворянин, оставляя де-факто за собой право на дуэль, резко ограничивал влияние государства на свою жизнь. Право дуэли создавало сферу, в которой были равны все благородные, вне зависимости от знатности, богатства, служебного положения. Кроме, разве что, высших служебных степеней и членов императорской фамилии. Хотя в декабристские времена и это оказалось безусловным. Право на поединок стало для русского дворянина свидетельством его человеческого раскрепощения. Право на поединок стало правом самому решать - пускай ценой жизни свою судьбу. Право на поединок стало мерилем не биологической, но общественной ценности личности. Оказалось, что для нового типа дворянина самоуважение важнее жизни.

«...В Англии для защиты чести человек располагал полным арсеналом правовых средств, в самодержавной, деспотической России — только дуэлью...

...Для Николая понятие личной чести дворянина было чем-то глубоко второстепенным по отношению к его верноподданническим и чисто служебным обязанностям. «Что вы мне со своим мерзким честным словом!» - крикнул он декабристу, пытавшемуся объяснить ему, что предательство противно чести...

...Представления офицерских сообществ о чести - даже пришибленных расправой с авангардом - существенно не совпадали с новой моралью. Исходивший из принципа максимальной концентрации всякой власти, Николай не собирался допускать и рассредоточения нравственного авторитета. Он хотел быть лично и через доверенных начальников - единственным судьей и в делах чести».

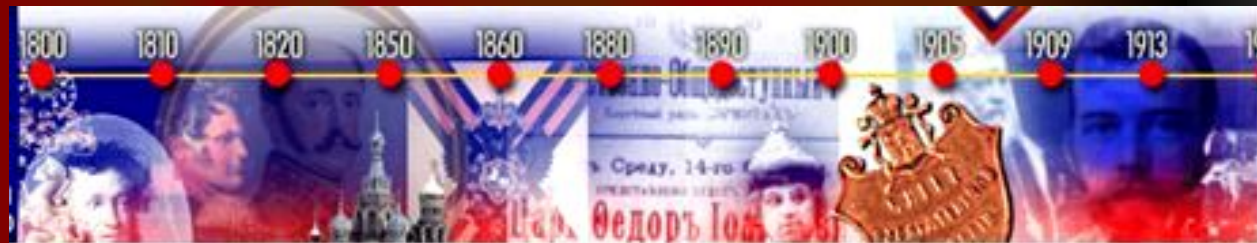
"Я ненавижу дуэли, это варварство, на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского"

Император Николай I

В 1929 году полномочия офицерских собраний выносить приговоры по делам чести были официально ликвидированы...

Гвардейцы, теряющие представления о чести и благородстве, могли позволить себе любую дерзость, ибо отказ от дуэли стал возможен и решение конфликта прилично стало отдавать в руки властей.

В середине тридцатых годов оказалось, что для искоренения поединков вовсе не надо ужесточать наказания. Новая эпоха, теперь уже явно определившаяся и проявляющая себя, лишала дуэль ее главной функции – самостоятельное регулирование отношений внутри дворянства, поддержания представлений о правах личности в обществе. С разгромом в 1825 году дворянского авангарда, нравственно опускающееся российское дворянство отступалось от права на поединок, от права на противостояние вмешательству государства в личные дела человека чести.

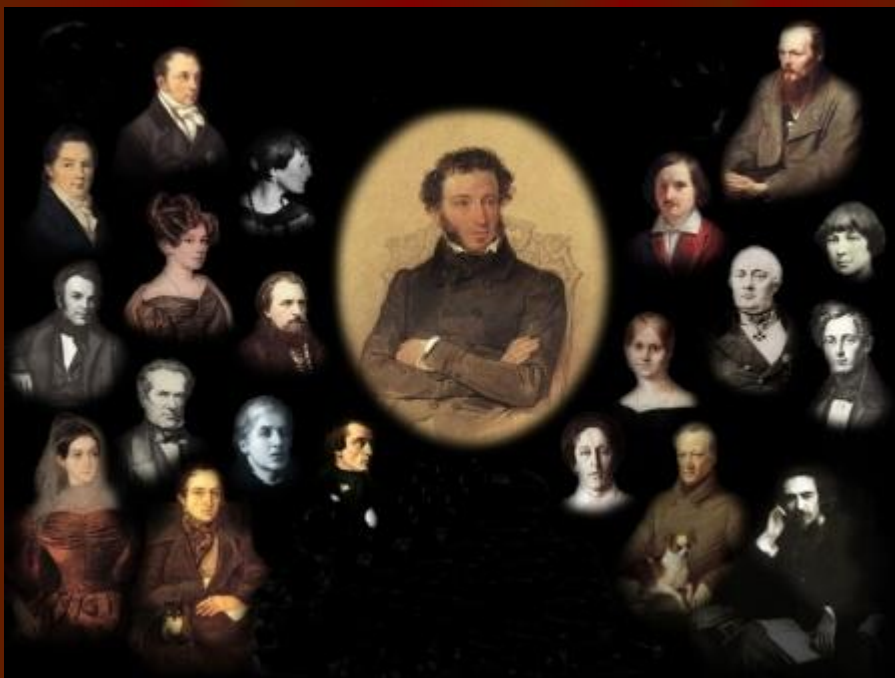

Историческое значение русского дворянства

Исторические судьбы русского дворянства - главная тема творчества Пушкина в 30-е годы. Тема эта была для него глубоко личной, но его талант дал ей большое общественное звучание. Одну из главных причин упадка дворянства Пушкин видел в том, что за послепетровское столетие место старой знати, которая, как ему представлялось, была близка к народу и могла защищать его интересы, заняла "аристократия", не имевшая в народе вековых корней, добившаяся почестей, власти и богатства не многими поколениями честной службы и рачительного хозяйствования в своих поместьях, а на паркетных полах петербургских гостиных. Своим взглядам на дворянство Пушкин искал и, как ему казалось, находил подтверждение в истории. Он видел историческую оправданность такого специфического древнерусского института, как местничество, т.е. распределение высших государственных должностей в соответствии с древностью рода. Ему представлялось, что это было фактором личной независимости родовитого дворянства от трона.

*... Родов дряхлеющих обломков
(И, по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.*

А.С.Пушкин

кин писал:

никогда не разделял я с кем бы то ни
нависти к дворянству.

необходимым и естественным сословием

существование из

упадке дворянства, дроблении и
себе вопрос: "Но

крестьян? Крепостной
т больше повинностей, нежели крестьянин

вами крестьянства, народа, а прогресса

можно ждать только от деятельности просвещенных и богатых дворян, способных понимать нужды народа. Необразованность и крайний консерватизм делали его культурно и политически мертвым, хотя порой из него выходили ученые и писатели.

Но то третье сословие, которое, по мнению Пушкина, могло организовать строительство железных дорог, отнюдь не представлялось ему пригодным на роль духовной и интеллектуальной элиты общества. Между тем необходимость такой элиты была одной из его любимейших идей.

Какой же общественный слой мог в его время породить такую элиту?

Это «старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет род».

Использованная литература

- Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке//Отечественная история. 1998. №2.
- Аникин А.В.Муза и мамона. – М.,1989.
- Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2003.
- Борисова Е.А.Русская культура второй половины XIX в. – М.,1991.
- Герцен А.И.Былое и думы.Собр.соч.:в 30-ти т. – М.,1956.
- Гоголь Н.В.Духовная проза. – М.,1992.
- Гоголь Н.В.Мертвые души.Полн.собр.соч. – М.,1951
- Гордин Я.А.Право на поединок. –М.,1989.
- Грибоедов А.С.Горе от ума. – Л.,1979.
- Давыдов М.А. «Оппозиция его величества». Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994.
- Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия.
- Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России/Под ред.В.П. Старка. СПб.,2000.
- История российских дворянских организаций и учреждений. СПб., 1996.
- Кон И.С.Дружба. – М.,1987.
- Кропоткин П.А.Записки революционера. – М.,1988.
- Лотман Ю.М. Быт и традиции русского дворянства XVIII- начала XIX вв. СПб., 1994.
- Московская старина.- М.,1989.
- Ободовская И.,Дементьев М.Вокруг Пушкина. – М.,1975.
- Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург.Собр.соч.:в 10-ти т. – М.,1975.
- Тынянов Ю.Н.Пушкин. – М.,1984.
- Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853-1882. Тула, 1990.
- Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. Москва, 2001.
- Цимбаев Н.И.Под бременем познания и сомнения... Идеиные искания 1830-х годов. Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. – М.,1988.
- Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб., 2002.